

© 2014 г.

Владимир Папава

академик НАН Грузии

доктор экономических наук, профессор

ректор Тбилисского государственного университета

имени Иванэ Джавахишвили

(e-mail: rector@tsu.ge)

О «НЕКРОЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМЕ» НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ГРУЗИИ И РОССИИ)

В статье рассматриваются особенности постсоветской экономики, приобретшей черты «некроэкономики» прежде всего под влиянием наследия советской командной экономической системы. И в Грузии, и в России к настоящему времени сложились по сути одинаковые потребительские модели развития бедной страны. Для перехода к инновационной модели экономического развития необходима политика стимулирования предложения, но эта задача в Грузии и в России может быть решена различными путями.

Ключевые слова: некроэкономика, постсоветский постиндустриализм, потребительская модель развития, бедность, стимулирование предложения, инновационная экономика.

Современная глобальная экономика, к сожалению, все больше приобретает черты стагнационного состояния, что в равной мере касается как развитых, так и развивающихся стран мира¹. В этой ситуации проблема выбора модели, которая смогла бы обеспечить стабильный экономический рост и устойчивое экономическое развитие, является одной из наиболее актуальных как для экономической науки, так и для экономической политики. К сожалению, приходится констатировать, что общепризнанная как наиболее приемлемая с данной точки зрения модель экономического развития, основанная на инновационной экономике, на деле постепенно была

¹ См., например, Стиглиц Дж. Е. Запланированная стагнация // Project Syndicate, 6 февраля, 2014, <http://www.project-syndicate.org/commentary/joseph-e--stiglitz-argues-that-bad-policies-in-rich-countries--not-economic-inevitability--have-caused-most-people-s-standard-of-living-to-decline/russian>; Рубини Н. Проблемы на рынках развивающихся стран // Project Syndicate, 31 января, 2014, <http://www.project-syndicate.org/commentary/nouriel-roubini-explains-why-many-previously-fast-growing-economies-suddenly-find-themselves-facing-strong-headwinds/russian>.

вытеснена моделью финансовой экономики¹, что в итоге и привело к глобальному финансовому кризису, переросшему в экономический кризис. Как следствие, современный мир, особенно после глобального финансового и экономического кризиса, находится в поиске новой модели экономического развития².

Эта проблема не в меньшей степени волнует и постсоветские страны, для которых ориентация на такую экономическую модель, которая обеспечила бы устойчивое развитие, была одной из наиболее острых в процессе перехода к рыночной экономике и по сей день остается таковой³.

Помимо общих, у посткоммунистических стран есть и специфические сложности, не только препятствующие достижению стабильного экономического роста, но и обуславливающие выбор модели экономического развития. При изучении главных особенностей экономики постсоветских стран и основных характеристик моделей их экономического развития мы рассмотрим в качестве примеров экономические модели России и Грузии. Несмотря на очевидные различия между этими странами (размеры экономики, ориентация экономики на экспорт энергетических ресурсов для России и ориентация экономики на внешнюю финансовую помощь и на прямые иностранные инвестиции для Грузии), эти страны «объединяет» общее советское прошлое, общность задач, решаемых при переходе к рыночной экономике, и осуществленных шагов в этом направлении. Особую актуальность такому сравнительному анализу моделей экономического развития России и Грузии придадут сложившиеся экономические взаимоотношения между этими странами в постсоветское время, эволюция этих взаимоотношений, особенно на фоне возникшего в последние годы российско-грузинского конфликта.

Прежде чем приступить к анализу моделей экономического развития России и Грузии, необходимо охарактеризовать то посткоммунистическое экономическое наследие, от которого по сей день в большей или меньшей степени страдают эти страны.

Некроэкономика «постсоветского постиндустриализма». В отличие от общепринятого содержания (ставшего уже классическим) понятия

¹ Городецкий А.Е. Антикризисное регулирование и модели посткризисного развития России // Экономика Украины, № 5, 2013, с. 67.

² См., например, Модели посткризисного развития: глобальная война или новый консенсус. М.: Фонд «Посткризисный мир», 2009–2010, http://www.postcrisisworld.org/files/financial_report_ru_2010_ok.pdf.

³ См., например, Будкин В. Современная экономическая ситуация в регионе СНГ: между кризисами? // Центральная Азия и Кавказ, Т. 16, Вып. 3, 2013.

«постиндустриальное общество»¹, деиндустриализацию и научно-техническую деградацию² посткоммунистических стран с некоторой долей иронии можно квалифицировать как уродливый «постсоветский постиндустриализм»³. Снижение доли промышленности в экономике этих стран было обусловлено не ростом высококачественных и, в том числе, инновационных услуг, а непосредственно спадом промышленного производства, в некоторых случаях даже при отсутствии сколько-нибудь значительного развития таких услуг.

Как известно, после развала СССР произошла широкомасштабная деиндустриализация российской (как и всей постсоветской) экономики, в результате чего многие отрасли и предприятия промышленности, которые создавали основу экономики СССР, были потеряны⁴. Возник феномен «некроэкономики», которая объединяет предприятия, не способные производить конкурентоспособную продукцию⁵. Их существование является посткоммунистическим результатом отрицания конкуренции в командной экономике. В условиях же здоровой системы рыночной экономики некроэкономики как таковой не существует, т. к. функционирование неконкурентоспособных предприятий приводит к невозможности сбыта произведенной ими продукции, что обуславливает неплатежеспособность этих предприятий, что в итоге приводит к их банкротству.

Некроэкономика зарождалась в недрах командной экономики, а специфика постсоветского перехода к рыночной экономике привела к тому, что экономика не избавилась от «мертвых» предприятий. Возникшую специфическую экономическую систему можно квалифицировать как посткоммунистический капитализм⁶. Экономический спад, наблюдавшийся после развала СССР и в России, и в Грузии, во многом был следствием суще-

¹ См., например, Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999; Иноземцев В. Л. (ред.). Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.: Academia, 1999; Block F. Postindustrial Possibilities: A Critique of Economic Discourse. Berkley: University of California Press, 1990.

² См., например, Князев Ю. Перспективы российской экономики: шанс на ускорение // Общество и экономика, № 2–3, 2014, с. 28.

³ Городецкий А.Е. Антикризисное регулирование и модели посткризисного развития России, № 5, с. 68.

⁴ Городецкий А.Е. Антикризисное регулирование и модели посткризисного развития России // Экономика Украины, № 4, 2013, с. 72.

⁵ Папава В. Некроэкономика – феномен посткоммунистического переходного периода // Общество и экономика, № 5, 2001; Papava V. Necroeconomics – the Theory of Post-Communist Transformation of an Economy // International Journal of Social Economics, Vol. 29, №. 9–10, 2002.

⁶ Папава В., Беридзе Т. Очерки политической экономики посткоммунистического капитализма (опыт Грузии). М.: Дело и Сервис, 2005.

ствования потенциально «мертвых» предприятий, продолжающих функционировать во многом применительно к уже не существующему режиму командной экономики. Высокая доля сохраняющегося изношенного, устарелого производственного оборудования и низкий уровень обновляемости производственных мощностей¹ является той почвой, на которой и «процветает» некроекономика.

Сохранение некроекономики во многом обусловливается наличием так называемой «технологической ловушки», когда фирма предпочитает оставаться в рамках старой, менее эффективной технологии, нежели переходить на более современную производственную технологию, даже при наличии такой возможности².

Главной причиной возникновения технологической ловушки является доминирование краткосрочных интересов фирм над долгосрочными, возникающее прежде всего из-за слабого доверия (а порой, и явного недоверия) экономических агентов к государственной власти, к проводимой ею экономической политике, что вызвано политической, правовой и макроэкономической нестабильностью стран посткоммунистического капитализма³. Неудивительно, что в трансформационном обществе наиболее чувствительным является соотношение экономического оптимизма и пессимизма среди различных групп населения. При этом следует помнить, что в отличие от оптимиста, который максимизирует выгоду при высокой терпимости к риску, пессимист минимизирует риск при некоторой приемлемой, но гарантированной выгоде⁴.

Технологическая отсталость производства обуславливает его низкую рентабельность, что, в свою очередь, не может обеспечить должный уровень собственных инвестиций для замены основного капитала. В итоге деградация производственной базы усугубляется⁵.

Немаловажным фактором, определяющим стабильность технологической ловушки, является отсутствие бурного экономического роста из-за технологической отсталости, что приводит к сохранению этой отсталости, т. к.

¹ Балацкий Е.В. Постсоциалистический российский бизнес: противоречия развития и результаты функционирования // Общество и экономика, № 7–8, 2005, сс. 99–103.

² Балацкий Е.В. Экономический рост и технологические ловушки // Общество и экономика, № 11, 2003.

³ Балацкий Е.В. Институциональные и технологические ловушки // Журнал экономической теории, № 2, 2012, сс. 56–57.

⁴ Кесельман Л.Е., Мацкевич М.Г. Экономический оптимизм/пессимизм в трансформирующемся обществе, 1998, <http://www.nir.ru/sj/sj/12kesel.htm>.; Балацкий Е. В. Роль оптимизма в инновационном развитии экономики // Общество и экономика, № 1, 2010, с. 17.

⁵ Сорокин Д.Е., Сухарев О.С. Структурно-инвестиционные задачи развития экономики России // Экономика. Налоги. Право, № 3, 2013, с. 8.

лишь при высоких темпах экономического роста фирмы ощущают необходимость технологического обновления производства. Следовательно, выход из технологической ловушки на стадии экономической рецессии практически невозможен; для этого необходим переход к фазе экономического роста, хотя при этом необходимо учитывать «сдерживающую» роль процентных ставок при переходе к новым технологиям. Только при экономическом росте фирмы предпочтут технологическое обновление производства, несмотря на высокие процентные ставки по депозиту, и согласятся на существующие процентные ставки по кредиту¹.

Из-за отсутствия политических и экономических стимулов преодоления технологической ловушки необходимо прибегнуть к правовому механизму банкротства для избавления от объектов некроэкономики. К сожалению, отсутствие в посткоммунистических (и не только) странах эффективного законодательства о банкротстве², а также отсутствие политической воли у правительств для принятия и использования дееспособного законодательства о банкротстве ведут к сохранению «мертвых» предприятий. Также и из-за социальной нестабильности российская власть с самого начала перехода к рыночной экономике стремилась не допускать массового банкротства, в результате чего российское законодательство о банкротстве практически было малоприменимым³. В свою очередь, государственная помощь предприятиям некроэкономики давала им возможность продолжать функционировать⁴.

В Грузии при отсутствии эффективного законодательства о банкротстве также были попытки за счет государственной поддержки сохранить некроэкономику, но либерализация внешнеторговой политики при скудости государственных ресурсов привела к фактической остановке многих «мертвых» предприятий. Необходимо отметить, что различие в подходах к государственной поддержке предприятий некроэкономики в Грузии и России в основном объяснялось тем, что в своем распоряжении грузинское государство, в отличие от российского, имело весьма ограниченные финансовые ресурсы, в том числе и для целей поддержки «мертвых» предприятий.

¹ Балацкий Е.В. Институциональные и технологические ловушки, с. 57.

² Например, Claessens S., Djankov S., Mody A. (eds.). *Resolution of Financial Distress: An International Perspective on the Design of Bankruptcy Laws*. Washington, D.C.: The World Bank, 2001.

³ Соколин Б. Кризисная экономика России: рубеж тысячелетий. СПб.: Лики России, 1997, с. 168.

⁴ Lindsey B. *Against the Dead Hand: The Uncertain Struggle for Global Capitalism*. New York: John Wiley & Sons, 2002, pp. 126, 153; Shleifer A., Treisman D. *Without a Map: Political Tactics and Economic Reform in Russia*. Cambridge: The MIT Press, 2000, pp. 106–107.

Вместе с тем во времена отсутствия кризисных явлений в больших странах (каковой является Россия) проблема некрэкономики менее остро ощущается, чем в относительно малых странах (каковой является Грузия), ибо из-за большого масштаба экономики у некропредприятий при содействии государства есть возможность конкурировать между собой¹, что создает иллюзию отсутствия некрэкономики. В малых же странах эта проблема стоит более остро.

Из-за относительно меньших масштабов некрэкономики в 2009 г., т. е. в разгар глобального финансово-экономического кризиса, спад в экономике Грузии (–3,8%) по сравнению со спадом в России (–7,8%) был более умеренным². И это не удивительно, т. к. именно в условиях финансово-экономического кризиса некрээкономика дает о себе знать в значительном спаде промышленного производства из-за моральной изношенности материально-технической базы некрээкономики, сосредоточенной в промышленности³.

Необходимо подчеркнуть, что в условиях глобального финансово-экономического кризиса меры, предпринятые правительствами и в Грузии, и в России⁴, по существу не отличались от тех, которые широко использовались как в посткоммунистических странах, так и во всем мире⁵, и которые основывались на печальном японском опыте зомбирования экономики⁶, т. е. сохранения неконкурентоспособных фирм, ставших тако-

¹ Schaffer M., Kuznetsov B. Productivity // Desai R. M., Goldberg I. (eds.). *Can Russia Compete?* Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2008.

² GDP growth (annual %) // The World Bank, 2014, <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG>.

³ Илларионов А. Ноябрьский спад промышленного производства – катастрофа, которая усугубляется действиями властей // Институт экономического анализа, 2008, <http://www.iea.ru/masgoeconom.php?id=14>; Илларионов А. Это – катастрофа. Беспрецедентный промышленный спад ноября // Институт экономического анализа, 2008, http://www.iea.ru/econom_rost.php?id=26.

⁴ Papava V. The Economic Development Complex in the Black Sea Area: The Impact of the Global Financial and Economic Crisis // *Xenophon Paper*. No. 9. Athens: ICBSS, 2010, pp. 45–48, 54–58, http://icbss.org/media/113_original.pdf.

⁵ См., например, Harman C. *Zombie Capitalism. Global Crisis and the Relevance of Marx*. Chicago: Haymarket Books, 2010; Onaran Y. *Zombie Banks. How Broken Banks and Debtor Nations are Crippling the Global Economy*. Hoboken: John Wiley & Sons, 2012; Quiggin J. *Zombie Economics. How Dead Ideas Still Walk Among Us*. Princeton: Princeton University Press, 2010.

⁶ Например, Ahearne A. G., Shinada N. *Zombie Firms and Economic Stagnation in Japan* // *International Economics and Economic Policy*, Vol. 2. № 4, 2005; Hoshi T. *Economics of the Living Dead* // *The Japanese Economic Review*, Vol. 57, № 1, 2006; Hoshi T., Kashyap A. *Solutions to Japan's Banking Problems: What Might Work and What Definitely will Fail* // Ito T., Patrick H., Weinstein D. E. (eds.). *Reviving Japan's Economy: Problems and Prescriptions*. Cambridge: The MIT Press, 2005; Smith D. C. *Loans to Japanese Borrowers* // *Japanese International Economics*, Vol. 17, № 3, 2003.

выми из-за этого кризиса. Разница между этими странами была лишь в масштабах государственной поддержки фирмам, находящимся на грани банкротства.

Потребительская модель экономического развития бедной страны.

Характеризуя нынешние модели экономического развития Грузии и России, необходимо подчеркнуть, что несмотря на то, что между ними есть существенные различия, во многом эти модели схожи. Рассмотрим эти модели по отдельности.

Модель Грузии. Говоря о модели экономического развития Грузии, необходимо подчеркнуть, что в течение более чем 20-летнего периода государственной независимости перед Грузией всегда актуальной оставалась проблема ее выбора, выбора пути развития¹.

Сложившаяся модель экономического развития современной Грузии, к сожалению, основана не столько на росте производства, сколько на *стимулировании потребления*, что без должного развития реального сектора экономики привело к тому, что импорт в течение последних лет более чем в 3 раза превышает экспорт². Об ориентированности грузинской экономики скорее на потребление, нежели на производство, свидетельствует и тот факт, что суммарный объем частного и государственного потребления составляет около 90% ВВП³.

При относительной отсталости производства рост потребления обеспечивается за счет притока денежных средств из-за рубежа: в первые годы после «Революции роз» это осуществлялось прежде всего за счет прямых иностранных инвестиций (ПИИ)⁴ и денежных переводов гражданам Грузии их родственниками, проживающими за рубежом⁵.

¹ Beridze T. The National Economic Model and Globalization (the Case of Georgia) // King L., Khubua G. (eds.). Georgia in Transition. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009; Gogolashvili K. In Search of Georgia's Economic Model // South Caucasus – 20 Years of Independence. Tbilisi: Friedrich-Ebert-Stiftung, 2011, <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/georgien/08706.pdf>; Samson I. The Search for a Development Path: Challenges for Georgia // Georgian Economic Trends, No. 4, March, 2006, http://gfsis.org/media/download/geplac/Georgian_Economic_Trends/March_2006/english_2006_4.pdf.

² External Trade // National Statistics Office of Georgia, 2014, http://geostat.ge/index.php?action=page&p_id=137&lang=eng.

³ Например, Samson I. Medium-Term Prospects for the Georgian Economy // Georgian Economic Trends, February, 2008, p. 73, http://gfsis.org/media/download/geplac/Georgian_Economic_Trends/February_2008/feb_2008_e.pdf.

⁴ См., например, Shmidt M. Foreign Direct Investment to Georgia: Can Active Investment Promotion Policies Make a Difference? // Georgian Economic Trends, January, 2007, http://gfsis.org/media/download/geplac/Georgian_Economic_Trends/January_2007/english-january_2007.pdf.

⁵ См., например, Kakulia M. Labour Migrants' Remittances to Georgia: Volume, Structure and Socio-Economic Effect // Georgian Economic Trends, October.

ПИИ, как правило, аккумулировались в недвижимость, что в целом создавало дополнительный финансовый ресурс внутри страны. Этот финансовый ресурс, поступающий в основном через банковскую систему, способствовал росту жилищного строительства, которое в условиях отсутствия надлежащего государственного контроля превратилось в хорошо известную систему «финансовой пирамиды»¹.

После восстановления государственной независимости многие жители Грузии по тем или иным причинам покинули страну. К настоящему времени примерно 20% населения Грузии (более 1 млн человек) проживает за рубежом (из них 2/3 в России)². Размер денежных переводов только по банковским каналам ежегодно превышает 1 млрд долл. США³. Эти деньги, как правило, используются для удовлетворения нужд первой необходимости.

После начала глобального финансово-экономического кризиса приток ПИИ в Грузию резко упал. Этому также способствовала и российско-грузинская война в августе 2008 г. В то же время Грузии, как пострадавшей в этой войне стороне, международным сообществом была предложена финансовая помощь в размере 5,8 млрд долл. США⁴. Это, со своей стороны, обеспечило то, что удалось сохранить потребительский характер экономического развития страны, не говоря о том, что последствия глобального финансово-экономического кризиса оказались относительно легко переносимыми для Грузии.

Ориентация на потребление при неразвитости реального сектора экономики Грузии привела к тому, что за чертой бедности оказалось 40% населения⁵. Согласно же экспертным оценкам, у 86% населения есть серьезные социальные проблемы⁶.

Таким образом, *современной моделью экономического развития Грузии является потребительская модель развития бедной страны, основанная на привлечении ресурсов извне.*

¹ Papava V. The Economic Development Complex in the Black Sea Area: The Impact of the Global Financial and Economic Crisis, p. 46, http://icbss.org/media/113_original.pdf.

² Samson I. Medium-Term Prospects for the Georgian Economy, p. 74.

³ Данные по денежным переводам опубликованы на сайте Национального банка Грузии: <https://www.nbg.gov.ge/index.php?m=2&lng=eng>.

⁴ Papava V. Post-War Georgia's Economic Challenges // Central Asia-Caucasus Analyst, Vol. 10, No. 23, November 26, 2008, <http://www.cacianalyst.org/?q=node/4991>.

⁵ Meskhia I. Living Standards and Poverty in Georgia // Georgian Economic Trends, May, 2008, p. 57, http://gfsis.org/media/download/geplac/Georgian_Economic_Trends/May_2008/may_2008_e.pdf.

⁶ Гиорхелидзе Д. Социальное положение: существующие проблемы // Кавказский акцент, № 10, 2010, с. 40.

Модель России. Проблема выбора модели экономического развития была и остается актуальной для России¹.

Как известно, экономические успехи постсоветской России в основном определялись добычей и экспортом углеводородных ресурсов. Несмотря на то, что особенно в докризисный период экономическая политика российского правительства делала ставку на нефтегазовую промышленность, и эта отрасль экономики России так же, как и в целом весь реальный сектор экономики, оказалась в состоянии консервации глубокой технологической отсталости².

В 2008 г. (когда цены на нефть еще оставались высокими и продолжали расти) правительством была разработана Концепция долгосрочного социально-экономического развития России на период до 2020 г., которая была основана на более устойчивой модели роста путем стимулирования инноваций с целью ослабления зависимости экономического роста от уровня производства сырья³. Реализации этой концепции помешало, прежде всего, начало глобального финансового и экономического кризиса.

Накопленные в течение 2000–2008 предкризисных годов огромные средства в российском Стабилизационном фонде были использованы на предотвращение краха банковской системы и фондового рынка, что в то же время способствовало сохранению приоритета топливно-сырьевого сектора в структуре российской экономики и этим усугубило ее техническую и технологическую отсталость.

Согласно исследованиям Института экономики РАН, в структуре ВВП России сформировалась устойчивая тенденция отрицательного соотношения объемов сбережений, накоплений и инвестиций в основной капитал, и при этом доля накопления в ВВП России не превышает 20% (т. е. Россия отстает от аналогичных показателей, например, от Беларуси, Индии, Казахстана, Китая, Южно-Африканской Республики и Бразилии)⁴. В России признается, что в ней сформировалась *потребительская модель экономического роста*⁵

¹ Например, Добрышевский С., Синельников-Мурылев С. Макроэкономические предпосылки реализации новой модели роста // Вопросы экономики, № 9, 2012; Илларионов А. Модели экономического развития России // Вопросы экономики, № 7, 1996; Сорокин Д. О стратегии развития России // Вопросы экономики, № 8, 2010; Ясин Е., Акиндинова Н., Якобсон Л., Яковлев А. Состоится ли новая модель экономического роста в России? // Вопросы экономики, № 5, 2013.

² Гурвич Е. Нефтегазовая рента в российской экономике // Вопросы экономики, № 11, 2010.

³ Экономический обзор ОЭСР по Российской Федерации // Вопросы экономики, № 8, 2009, 2009 г., с. 56.

⁴ Городецкий А.Е. Антикризисное регулирование и модели посткризисного развития России, № 4, с. 70.

⁵ Мау В. В ожидании новой модели роста: социально-экономическое развитие в 2013 г. // Вопросы экономики, № 2, 2014, с. 20.

и развития¹. О потребительской ориентации российской экономики свидетельствует и одновременный рост потребительского кредитования и зарплаты, когда доля последней в ВВП превысила 50%².

Необходимо также подчеркнуть, что, согласно исследованиям Института социологии РАН, в России бедным реально является почти каждый третий ее житель, т. е. 30% населения России относится к группе бедных, а не 9 % как это признается официально³. При этом немаловажно подчеркнуть, что для российского типа бедности характерна ее концентрация в сельской местности, что, как правило, свойственно для стран третьего мира⁴.

Подытоживая сказанное, можно заключить, что *современной моделью экономического развития России является потребительская модель развития бедной страны, основанная на экспорте топливно-энергетических ресурсов*.

Следует констатировать, что к настоящему времени как в Грузии, так и в России сложился так называемый «карикатурный вариант общества потребления»⁵, т. к. в обеих странах стимулируется потребление при сохранении бедности населения.

Выход из ситуации – стимулирование предложения. И в Грузии, и в России в 2013 г. наблюдалось замедление темпов экономического роста, хотя причины этого были разные.

В Грузии это замедление было вызвано политической трансформацией после октябрьских парламентских выборов 2012 г., когда большинство парламентских мест получили депутаты из оппозиционной коалиции. При отсутствии более или менее развитого реального сектора политические сложности и обусловили замедление темпов экономического роста в Грузии⁶.

В отличие от Грузии, в том же периоде Россия характеризовалась политической стабильностью. Замедление же темпов экономического роста было обусловлено действием *механизма торможения, что связано с ис-*

¹ Городецкий А.Е. Антикризисное регулирование и модели посткризисного развития России, № 4, с. 75.

² May В. В ожидании новой модели роста: социально-экономическое развитие в 2013 г. с. 12.

³ Бедность и неравенство в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад. М.: Институт социологии РАН, 2013, http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Analit_doc_Bednost/full.pdf.

⁴ Балацкий Е.В. Бедность и неравенство в России // Капитал страны, 17 декабря, 2010, <http://www.kapital-rus.ru/index.php/articles/article/180796>.

⁵ Городецкий А.Е. Антикризисное регулирование и модели посткризисного развития России, с. 75.

⁶ Kakulia M. On the Political Economy of Economic Slowdown in Georgia // Expert Opinion, No. 9. Tbilisi: GFSIS, 2013, http://gfsis.org/media/download/library/articles/kakulia/On_The_Political_Economy_of_Economic_Slowdown_In_Georgia_ENG.pdf.

черпанием возможностей модели экономического роста, действовавшей с 1999 г.¹ и основывавшейся на росте нефтегазового сектора российской экономики. В результате этого, если во многих странах постепенно намечаются позитивные сдвиги в направлении выхода из кризиса, то Россия встала перед опасностью входа в него². Говоря о возможности начала экономического кризиса в России, необходимо учесть и экономические санкции, которые были приняты против нее Западом в 2014 г., хотя и без этих санкций России грозит экономическая рецессия³. Немаловажным является и учет опасности стагнации с вышеотмеченным известным японским феноменом зомбирования экономики⁴.

Очевидно, что для обеспечения стабильного экономического развития необходимо от экономической политики стимулирования спроса переходить к политике стимулирования предложения⁵. Причем чем больше страна отстает от передовых технологических достижений, тем меньше шансов, что усиление конкуренции внутри страны ускорит ее экономическое развитие, обеспечив высокие темпы экономического роста⁶.

Стимулирование предложения на современном этапе должно происходить на основе создания и развития инновационной экономики. Требуется избавляться от «мертвых» предприятий (проблема, которая гораздо более остро стоит перед Россией, чем перед Грузией), эффективно задействуя законодательство о банкротстве.

Создание инновационной экономики можно достичь реализацией политики «новой индустриализации», когда на основе «прорывных технологий» не только создаются новые, но и модернизируются и традиционные отрасли промышленности⁷. Но необходимо отметить опасность,

¹ May В. Цит соч., с. 19.

² Там же. Как показывают исследования, в России имеется в наличии совокупность внутренних причин для потенциального наступления автономной рецессии (Миронов В., Канофьев В. Грозная рецессия и как с ней бороться: эмпирический анализ российских реалий и мирового опыта // Вопросы экономики, № 1, 2014, с. 89).

³ Shostak F. Economic Sanctions Not Key Cause of Russia's Possible Recession // Mises Daily, April 09, 2014, <http://mises.org/daily/6719/Economic-Sanctions-Not-Key-Cause-of-Russias-Possible-Recession>.

⁴ Грозовский Б. Ловушка стагнации // Forbes, № 8, с. 25.

⁵ May В. Цит. соч., с. 31.

⁶ Голиченко О. Модели развития, основанного на диффузии технологий // Вопросы экономики, № 4, 2012, с. 121.

⁷ Ленчук Е.Б., Филатов В.И., Власкин Г.А., Иванов А.Е., Смотрицкая И.И., Черных С.И. Новая индустриализация как условие формирования инновационной модели развития российской экономики. М.: ИЭ РАН, 2013, с. 6.

которая исходит от ортодоксальной марксистской доктрины «новой индустриализации», согласно которой в России необходимо путем масштабной национализации переходить к плановой экономике на основе прева-лирования государственной собственности и при ограничении институ-тов демократии¹. Такой подход повторяет известную схему сталинской индустриализации, что противоречит глобальным тенденциям экономи-ческого (и не только) развития².

Несмотря на сходство подходов к задаче экономического развития обеих стран, имеется и принципиальное различие в ее решении для каждой из них. В частности, если у Грузии собственных ресурсов для стимулирова-ния предложения на базе развития инновационной экономики практически нет, то в отношении России фактически все подходы инновационного эконо-мического развития могут основываться прежде всего на использовании внутренних ресурсов и проведении активной инновационной политики и создании отечественных инновационных технологий.

Что касается Грузии, то для стимулирования предложения большое значение имеет расширение масштаба рынка на институциональной осно-ве. Это, прежде всего, возможно достижением режима свободной торгов-ли с ЕС, относительно высокие стандарты которого должны содействовать инвестициям (прежде всего иностранным), основанным на современных технологиях³. Иначе говоря, институциональное расширение масштабов рынка путем присоединения к рынку с более высокими стандартами долж-но создать условия для проведения инновационной политики, хотя и отно-сительно пассивной (по крайней мере на начальном этапе), основанной на импорте современных инновационных технологий.

Оба эти варианта стимулирования спроса требуют отказа от «демо-низации» роли государства в экономике⁴. И в Грузии, и в России для пере-хода от потребительской модели экономического развития бедной страны

¹См., например, Амосов А. Новая индустриализация: связь политики и идеологии // Экономист, № 8, 2013; Амосов А. Об экономическом механизме нового индустриального развития // Экономист, № 2, 2014; Кучуков Р. Неоиндустриальная модернизация и роль государственного сектора // Экономист, № 6, 2013; Рязанов В. Время новой индустриализации: перспективы России // Экономист, № 8, 2013).

²Корнейчук Б. Теоретические и идеологические основы доктрины «новая индустриализация» // Вопросы экономики, № 3, 2014.

³Папава В. Экономика Грузии: в поиске модели развития. // Мир перемен, № 3, 2013; Kakulia M. Georgia's Experiences on Developing Trade and Trade Policy Relations with the European Union // East European Studies, No. 5, 2014, http://vki.hu/files/download_772.html; Papava V. The Main Challenges of 'Post-Rosy' Georgia's Economic Development, pp. 7–9.

⁴Сорокин Д. Четвертый вектор российской экономики // Проблемы теории и практики управления, № 11, 2013, с. 19.

к инновационной модели необходимо заинтересовать в этом самих предпринимателей. Одними лишь усилиями государства в данном направлении могут быть получены очень ограниченные результаты¹.

Несмотря на то что в Грузии и России задачи перехода к инновационному развитию экономики имеют разные способы решения, схожесть стартовых условий, основанных на «некроэкономическом постиндустриализме» и на потребительской модели экономического развития бедной страны, объективно делает целесообразным, по крайней мере, обмен опытом в деле смены модели экономического развития.

¹ Сорокин Д. О стратегии развития России, с. 32.